

ПОБЕГ

Заколоколило.

Праздничный благовест разлился над разбитым асфальтом дорог, облупленными домами, куцым сквером, гордо именуемым парком, речкой цвета дорожной пыли. Из белоснежной церкви светлый звон колоколов приходил в каждое жилище – от просторной дачи до захламленной однушки. Хрущёвку отставного сержанта Виталика звон наполнил одновременно с проснувшимся будильником.

Виталик открыл глаза. Закрыл. Поморщился. Застонал.

– Опять контузия? – спохватилась мать, прошаркав на стон из кухни. – У, раззвонились.

– Будильник, мама, – сквозь зубы цедил Виталик, – выключи.

Мать полоснула пальцем экран дребезжащего смартфона. В комнате остался колокольный перелив и утреннее солнце. Хорошо. Правда, ненадолго.

Дворовая жизнь просыпается рано, назойливо примешивая к звону шум посёлка. Тяжело бормочет соседская «газель», ругается собака, молодежь врубила колонку. Скороговорка модного рэпера безжалостно колотила по голове сквозь худые окна старого дома. Стеклопакет не спасал. Виталик закрыл глаза, попробовал ровнее дышать. Музыка тяжела, когда она вокруг. В ней нет природного ритма, на который ориентируешься в пространстве. Безобидная, она чужда, сбивает, постоянно дергает, настораживает, мешает. И ничего не поделаешь с ней, нельзя убрать, заткнуть выстрелом. Надо привыкнуть, поесть и спастись от нагрянувшего шума.

– Здорова! – Мальчишки приветствовали выбравшегося из подъезда Виталика. – Слушай, чё есть!

Кач рэпера сменился заунывной солдатской песней. Чтобы Виталик точно услышал – громкость выкрутили до упора. В унисон гитаре задрожали оконные стёкла. От грохота хотелось съёжиться и спрятаться в кусты. Ни единой нотки сочувствия к дембелям из бутафорской песни у Виталика не появилось. На строчке, когда офицеры провожают бойцов, во двор ворвалась «девятка» Коляна.

– А ну, шантрапа, расходишь! – С гусарской удалью «девятка» прогарцевала к спортплощадке. Довольный Колян по грудь высунулся в окно, девчонки мечтательно вздыхали, мальчишки завидовали, Виталик наблюдал, обреченно принимая назойливый шум старой машины. А ведь суббота начиналась с колокольного перезвона...

Прошедшие порознь три года разорвали общее друзей. Виталику досталось равнодушие, Колян наполнился восхищением и завистью к возмужавшему другу. Разница возрастов казалась неважной раньше, во время прогулок по гаражам вместо уроков. Сегодня она вместила два мира, не объять. Перед уходом в армию Виталик успел научить школяра драться, курить, обещал – вернётся, и тогда они оторвутся по-взрослому. Потом контракт, командировка, война. Виталик больше не старший друган, с прищуром предлагающий попробовать сигарету, он – суровый молчаливый воин в вечных зелёных штанах. Колян давно курит взятяг, дерется из-за девчонок, ходит к ним по ночам, разрезает тишину ночных дворов скрежетом модной аудиосистемы в любимой «ласточке». Война перечеркнула всё, что касалось обоих пацанов. Виталик ищет тишину в мирной жизни, Колян – мирной жизни во всей пестроте красок и звучания.

Распахнув дверь «девятки», дребезжащую от бьющих изнутри колонок, Колян участливо пригласил:

– Братан, снова в церковь? Ну, давай подвезу.

– Прогуляюсь, – Виталик вяло поздоровался на ходу. В глазах плыли круги то ли от нагрянувшей какофонии, то ли от взятого темпа побега из дребезжащего и скрежещущего котла, называемого двором. Отставной солдат прорвался на главную улицу и тут же врезался в рекламу.

Динамик на картонном ящике посередине тротуара монотонным электрическим голосом вбивал в голову предложение демисезонных курток. Голос настойчивый, не терпящий возражений, словно из прошлого «выходите, или будете убиты». Он не терпит ожидания – выходи и покупай куртку. Или будешь убит, в крайнем случае, останешься без турецкой дублёнки, зима неизбежно наступит. Нет времени объяснять – действуй. Громко. Настойчиво. Вездесуще. Недалеко клаксонами гудел перекресток. Сквозь ругань колонок и выхлопных труб, пробивается созвучный сердцу колокольный перебор. Мелодия ощутимо отличается от шума. Вокруг всё режет, колет, перезвон обволакивает и баюкает.

До храма по прямой не больше двадцати минут. Солдату – лёгкий марш-бросок из шумного двора к церковному трезвону, если бы не Колян на заниженной «девятке» в засаде у супермаркета.

– Виталик, ну, садись. Довезу, – перекрикивал песню Колян, самодовольно качаясь в такт, – ну, знаю, куда идёшь.

– Музыку...

– Что? – не расслышал Колян

– Музыку вырубил! – сорвался на крик Виталик

– Да-да, – Колян спешно вдарил по кнопкам.

Спокойнее не стало. Без музыки «девятка» грохотала как танк. Опасность на войне часто скрежещет и грохочет. Виталик наслушался вдоволь. Сейчас – как будто не возвращался.

– Ух ты. Сегодня праздник, что ли, какой? – Колян прислушался в открытое окно, перекрестился – колокола звонят.

Пижон.

Громяхающая машина задала такт пульсирующей боли в висках. Делать нечего – лучше длинным путем, чем вообще не пройти. Виталик нырнул в сквер, скрытый от поселковой суеты липами. Если бы не лень, он каждый раз выбирал бы извилистые тропинки сквера, именуемого парком. Здесь тихо, редкий детский смех переплетался с перезвоном в единую песню. Виталик откликнулся звучащему колоколу, ускорив шаг на пути к храму. Перед воротами, уважительно, без музыки, наперекор прихожанам и звону грохотала заниженная «девятка». Колян упорно ждал друга детства.

– Коль, глуши своё корыто, – попросил Виталик. Прихожане благодарно оглянулись на затихнувшую машину. – Теперь пойдём.

Две дворняги недоверчиво оглядели Коляна, признали в Виталике знакомого, тут же потеряв к обоим интерес. Приветствуя, бабушка в заляпанном грязью платке разогнулась над цветочной грядкой. Виталик уверенно вёл друга вокруг храма к маленькой скамейке под яблоней. Шум и суета остались за храмом и колокольным звоном.

– Пришли.

– Так ты что же? Ну, в церковь не ходишь? – растерялся Колян

Виталик махнул рукой – отстань. Устроился на скамейке удобнее, закрыл глаза, глубоко вздохнул, замер.

– И сидишь просто так? – донимал Колян.

– Слушаю. – Виталик не раскрыл глаз. – Отдыхаю от уличной возни. Звон здесь, с ним спокойно. Настоящая тишина. Надо послушаться.

– Так куда он денется? Звенит все выходные и праздники.

– Он никуда. Я ухожу. На войну.

– Ну и зачем? Если там грохот и шум.

– Здесь тоже грохот и шум. Разницы нет, воевать я хотя бы умею. И знаю, что делать с шумом.

Виталик ждал вопросы об убийствах, смерти, совести, но, кажется, Коляну разговор не интересен. Да он и не поймёт ничего. Там шум ориентир, здесь нагромождение. Звук должен быть понятным, читаемым. Отставной боец не смог привыкнуть к ненужности читать гвалт. Виталик ответил, как считал нужным:

– Работа, позвали, и платят хорошо.

Получилось, как будто оправдывался. Не за этим он шёл, вот и не получилось искренне.

Колян одобрительно хмыкнул, крутанул связку ключей на пальце, хлопнул друга по плечу и ушел. За церковью взвизгнула машина, глухие басы удалялись и вскоре затихли.

Появился батюшка с ведром. Остановился, поставил ведро, взглянул на колокольню.

– Опять пришел? Убежал от суеты?

– Убежал.

– Решился всё-таки?

Виталик кивнул.

– Ну, – грустно вздохнул батюшка, – значит, с Богом.

Перекрестил.

Закололо.

ОДНОКЛАССНИКИ

Виталика убили под мостом. Непонятно за что. Он был тихим, невзрачным менеджером среднего звена. На уличных шашлыках, когда весь двор гульбанил до зари, его не застанешь. Спал. Под мостом путь Виталика пролегал два раза в день. Ранним утром на платформу и вечером в сторону дома, когда фонари оставляли желтые пятна на асфальте.

Убили подло. Затылок съехал от удара сзади, подвинув затылочную впадину вбок. Голова стала похожа на сдувшийся мячик. Из носа, сколько хватило, натекло крови, в ней и лежал Виталик. В городе никто про него не вспомнит и не погорюет. Разве только печально хмыкнет продавец в кофейне, привыкший видеть Виталика каждое воскресное утро. Но до воскресенья ещё далеко, сегодня вторник.

Под мостом мерзко. Воняет мочой. Тут ночами бог знает что творится – бутылки накинаны, шприцы какие-то. Не иссякает струйка дорожной грязи, сочащаяся с дорожного полотна. Наверху колёса автомобилей монотонно барабанят по стыкам моста. Вокруг убитого собрались все заинтересованные случившейся трагедией. На весь мир таких оказалось немного – группа полицейских и четыре гопника, раздосадованные наплывом серости в уютном подмостковом миреке.

– Жалко. Я его знал. Мы были одноклассниками, – пробубнил полицейский, осунувшись от безделья.

– И я, – бросил гопник

– Тоже верно.

Снова повисла тишина. Полицейские молчали, гопники наблюдали, Виталик лежал.

– Как думаешь, кто его? – спросил полицейский коллегу, обращаясь к гопникам.

– Кто угодно, – ответили пацаны, – у Виталика часы были, а теперь нет. И портфель всегда с собой. Там кошелек и газеты лежали.

Портфеля не было. Запястья Виталика обнажены, будто тот подтянул рукава, прежде чем замертво упасть. Часов не наблюдалось.

– Откуда знаешь про кошелек в портфеле?

– Так он без него на районе не появлялся. Даже по воскресеньям в парке с портфелем в руке гулял.

– Проверим. А про часы?

– Время спрашивали.

– Случайно не вчера ночью?

– Обижает, начальник.

Гопники насупились, отошли на полшажка в сторону. Под мостом повеяло холодом. Промчалась электричка, затормаживая у платформы невдалеке.

– Эй вы, помогите, что ль, – попросил полицейский.

Потянулся ручеёк пассажиров, заинтересованно всматриваясь сквозь цепочку полицейских и гопников, заградивших тело.

– Чё, мля? – прогоняли зевак гопники.

– Не стоим, проходим, – властно командовали полицейские.

Всем было всё равно. Виталик их не заинтересовал.

– А ты ведь в школе от Виталика по шапке получал, помнишь? – хмыкнул полицейский гопнику.

– Давно было, – зыркнув напоследки прохожих, бросил тот.

– Из-за Светки бил. Ты в неё крепко влюблён был.

– И ты.

– Все.

– Это да.

Светка была самой красивой стервой в школе. Ноги от ушей. Уши маленькие, спрятаны под вороного цвета волосами. Носик вздёрнутый, губы полные, груди третьего размера. Подыгрывала вздыхающему будущему полицейскому, встречалась с Виталиком, а после школы сожительствует с гопником. Весело потому что. Пить начала. Песни по ночам орать.

Скоро приедет скорая. Заберёт Виталика, засыпят бляху крови, и тысячи ног, следующих из электрички на электричку, растащат память о Виталике по тропинкам и тротуарам. Ничего не останется...

– ...Никто не узнает...

– Чего? – откликнулся гопник

– Никто, говорю, не узнает, что ты его на выпускном за школой поколотить грозился. Сам говорил. А потом говорил, что никто не узнает про тебя и Светку.

– Слабы аргументы, начальник, – хмыкнул гопник, – три года как не учимся.

– Забей. Скоряки обещали к десяти подъехать. Посмотри, сколько ждать осталось?

Гопник полез было в карман штанов, но опомнился вдруг, отдернул руку и достал из куртки телефон. На экранчике с белыми розами светило без пятнадцати десять.

Полицейский поблагодарил, резко скрыв Виталика от бабульки, спешащей на платформу. Из пакета кусты рассады антенной колыхались высоко над бабулькиной головой.

– Гоняете? Правильно. Каждый день эти балбесы под мостом ошиваются. Пройти страшно. Вчерась энтот лысый, – бабка кивнула на гопника, – тусовался здесь. Сидел, кастетой крутил. А коль ударит...

– Иди, мать, – рявкнул гопник.

– Не затыкай, – попросил полицейский, – дальше что?

– А дальше... Божечки, – бабка рассмотрела Виталика, – электричка убежит, поспешу я, сынок.

– Не было меня здесь, начальник. Сам знаешь, живёшь в соседнем доме. Мы всю ночь под окнами у тебя «Сектор Газа» орали.

– Со Светкой?

– Со Светкой.

– Может быть, – безучастно закрутил полицейский.

К мосту по подъездной гравийке пылила скорая. Пока ещё вдалеке, можно успеть.

– Давай начистоту, твоих рук дело?

– Опять двадцать пять, начальник?

– Выворачивай карманы.

– Ты чего?

Лязгнул затвор пистолета.

Гопник достал из кармана штанов часы. Дружбаны присвистнули – очень похожи на Виталькины. С галочкой на циферблате. Хотели ведь отобрать, но Виталик ерепенился. Вот, довыерепенивался, получается. Кто же знал...

– Я объясню. Видел трупак в первый раз поутру, уже без портфеля. Пока за друзьями бегал – вы приперлись. А перед этим котлы снял, Виталику они больше не нужны.

– Давай в козлик, – устало бросил полицейский, пока подъехавшие скоряки грузили Виталика. Гопник подчинился. Дружбаны остались. Все разъехались.

В кабинете стены покрашены наполовину – зеленым с белым. Привычно, может даже, по инструкции. Гопник насупился, разглядывает портреты начальников. Полицейский грузно плюхнулся в кресло, огляделся, поправил ворот рубашки, достал ручку и листок.

– Чистосердечное?

– Зуб даю, не я это!

Полицейский вздохнул, расправил ворот рубашки, убрал листок с ручкой, достал перчатки. Простые, целлофановые. Натянул.

– Пытать, что ли, будешь? – хмыкнул гопник.

Полицейский мотнул головой, достал из-под стола портфель, разглядел и протянул гопнику.

– На, похож?

– Ну, похож, – тянул гопник, вертел портфель, даже открыл его, – точно, Виталика.

– Ну и ладненько, – довольно промурлыкал полицейский. Забрал вещдок и показушно стянул перчатки.

– Сука.

– Не ори. Я Светку из пьянства вытащу, пока молодая и красивая. На ноги поставлю. Заживём. Двор от ночных концертов отдохнёт. И ты отдохни.